

9. Noll, R. & Kun Shi. (2009) *Posledniy shaman orochonov Severo-Vostochnogo Kitaya* [The Last Shaman of the Orochons of Northeast China]. *Religiovedenie – Study of Religion*. 2. pp. 19–37.
10. Sanzheeva, L.V. (2019) *Klassifikatsiya traditsionnoy khudozhestvennoy kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa v obuchenii studentov-bakalavrov* [Classification of the Traditional Artistic Culture of the Indigenous Minorities of the North in Teaching Bachelor Students]. *Chelovecheskiy kapital – Human Capital*. 123 (3). pp. 130–138. (In Russian). DOI: 10.25629/HC.2019.03.13
11. Baudelaire, Ch. (1986) *Ob iskusstve* [On Art]. Translated from French. Moscow: Iskusstvo.
12. Gromov, E.S. (2004) *Iskusstvo i germeneytika v ee esteticheskikh i sotsiologicheskikh izmereniyakh* [Art and Hermeneutics in Its Aesthetic and Sociological Dimensions]. St. Petersburg: Aleteyya.
13. Elina, E.A. (2002) *Verbal'naya interpretatsiya proizvedeniy izobrazitel'nogo iskusstva. Nominativno-kommunikativnyy aspekt* [Verbal Interpretation of Works of Fine Art. Nominative and Communicative Aspect]. Saratov: Saratov State Socio-Economic University.

УДК 378.18

DOI: 10.24412/2070-075X-2021-2-125-143

Ф.В. Цраева, А.И. Рахаев

ПРИОРИТЕТЫ СТУДЕНТА-ВОЛОНТЕРА В КУЛЬТУРЕ РЕГИОНА: НА ПРИМЕРЕ ОПРОСА СТУДЕНТОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Объектом исследования является совокупность ценностных ориентиров студентов-волонтеров Кабардино-Балкарии как результат их культурной деятельности. Основной метод – сравнение мотиваций участия/неучастия в волонтерской деятельности с затраченным на нее студентами временем. В центре внимания характеристика культуры региона, данная посредством анализа ценностных ориентиров (приоритетов) студентов-волонтеров на базе адаптированных к задачам культурологического исследования распространенных социологических опросных методик.

Ключевые слова: теория культуры, культура региона, ценностные ориентиры, молодежная культура, приоритеты, студенты, волонтеры, мотивация, методология.

Исследование культуры региона с помощью экспериментального метода оценки приоритетов студента-волонтера на примере опроса студентов Кабардино-Балкарии обусловлена стремлением к интеграции культурологии с новейшими качественными методами управления качеством. Философия всеобщего управления качеством (TQM – Total Quality Management) предполагает тесную взаимосвязь управления не только экономическими процессами, но и социокультурными. По мысли доктора экономических наук, первого вице-президента Всероссийского общества качества (ВОК) Ю.А. Гусакова, в XXI в. доктрина TQM опирается на комплекс фундаментальных концепций совершенства, отвечающих современным глобальным вызовам, и нацелена на повышение качества управления процессами с целью достижения стабильного социально-экономического развития и повышения качества жизни людей, – с целью создания устойчивого будущего [1]. С позиций современной теории социокультурной деятельности система

высшего образования является социальным институтом проектирования парадигмы развития личности [2]. Соответственно, от того, какие приоритеты развития личности формируются в организационных условиях вуза в целом, зависят перспективы социального развития общества – комплекс ценностей, обуславливающий потенциал культуры региона как «системы исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности» [3. С. 341].

Высокая степень научной разработанности проблемы оценки приоритетов студентов-волонтеров обусловлена тем, что изучение волонтерской деятельности студентов составляет отдельное направление исследований как в России [3–16], так и за рубежом [17–23]. Внимание уделяется развитию не только профессиональных навыков будущих специалистов, но и общекультурных компетенций: и в России, и за рубежом волонтерская деятельность студента в оптимальных организационно-педагогических условиях учебного заведения рассматривается как комплексное средство воспитания и профессионального развития личности, как средство проектирования перспективной ситуации в культуре конкретного региона.

Федеральный закон России «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)¹» с последними поправками 2020 г. определяет волонтерство как добровольную деятельность граждан с общественно-полезными целями. Хотя специфика и существенные характеристики феномена волонтерства теоретиками постоянно корректируются, в том числе и с учетом региональной специфики [6].

Сущность феномена студенческого волонтерства расширяется или сужается учеными в зависимости от контекста конкретных исследовательских задач, что позволяет отнести этот феномен к особому классу социокультурных явлений, теоретические представления о которых могут быть охарактеризованы не устойчивым универсальным определением, а теоретическим конструктом «социокультурный фронт», отражающим подвижность явления в социальной жизни и обусловленность его специфики культурными и региональными особенностями [24].

Для характеристики культуры региона важно иметь четкое представление о мотивации добровольного участия молодежи в общественно-полезном труде, об индивидуальных и групповых интересах студентов, реализуемых ими посредством волонтерства, а также осуществлять постоянный мониторинг ценностных ориентиров студента-волонтера, чтобы знать, на какие области деятельности направлен интерес волонтера. Опираясь на мониторинг, представляется возможным посредством социокультурного проектирования направлять саморазвитие личности в конструктивное русло [13]. Так реализуется социокультурный потенциал волонтерства как стратегический ресурс государственного управления в сфере культуры [14].

В этой связи наиболее остро стоит вопрос исследования региональной специфики волонтерского движения, отражающего важный аспект культуры региона. Если в отдельных регионах России мониторинг ценностных ориентиров и мотиваций студента-волонтера уже осуществляется [6; 7; 13; 16], то в Кабардино-Балкарии (КБР) этот аспект остается малоизученным. Поэтому с помощью социологических опросных методик, адаптированных для характеристики культуры региона, был осуществлен пилотный замер ряда показателей ценностных ориентиров студентов-волонтеров ведущих вузов КБР.

Студентам Северо-Кавказского государственного института искусств (СКГИИ), Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (КБГУ) и Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова (КБГАУ) в письменной и электронной форме предложена анкета пилотного опроса

¹ Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс, 1997–2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения 22.06.2021).

«Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии»². Получены предварительные результаты (обработано 87 анкет респондентов), и представляется актуальным осветить экспериментальный авторизованный метод анализа полученных эмпирических данных.

Объектом исследования является совокупность ценностных ориентиров (приоритетов) студентов-волонтеров Кабардино-Балкарии как результат их культурной деятельности. *Предмет* – сегмент культуры региона, образуемый совокупностью ценностных ориентиров (приоритетов) студентов-волонтеров. Основным является авторский экспериментальный метод анализа эмпирических данных, позволяющий фиксировать динамику ценностных ориентиров (приоритетов) студентов-волонтеров, поэтому ему уделяется большое внимание. Статья носит методологический характер раскрытия эвристического потенциала экспликации в область культурологии современных качественных методик.

Цель работы состоит в раскрытии эвристического потенциала авторских усовершенствований широко апробированных опросных методик исследования мотиваций к волонтерской деятельности и затрат на нее времени. Соответственно цели последовательно решаются следующие задачи:

- раскрыть новые авторские методические решения;
- обосновать их эвристический потенциал и дальнейшие перспективы практического использования.

Научная новизна исследования состоит прежде всего в том, что экспликация передовых достижений социальной психологии и теории управления, социологии и экономической теории в теорию культуры с целью решения конкретных задач социокультурного проектирования путем развития студенческого волонтерского движения потребовала синтеза междисциплинарных системно-деятельностного (М.С. Каган, Г.П. Щедровицкий, В.С. Степин, А.Я. Флиер и др.) и ценностно-нормативного (В.С. Библер, А.С. Ахиезер, А.И. Манаенков, И.И. Горлова и др.) культурологических подходов.

В основе эксперимента лежит адаптированная для российских условий методика изучения мотивации к волонтерской деятельности Катарины Гаскин и Дэвиса Смита [18; 23] и опыт кросс-культурных исследований волонтерского движения учеными Университета Дж. Хопкинса [21; 22]. Авторитетность выбранных методик подтверждается использованием полученных с их помощью результатов в руководстве по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов Статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [25], основываются на них и исследования мотивации к волонтерской деятельности Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [12. С. 51–52]. Поэтому полученные и перспективные результаты нашего исследования сопоставимы с накопленным отечественным и зарубежным опытом. Вместе с тем применен ряд авторских методических решений, которые, на наш взгляд, застуживают обсуждения специалистами.

Авторским нововведением является объединение двух опросных методов, которое позволяет не только уточнить мотивацию студентов-волонтеров КБР, но и выявить приоритеты их интересов в добровольческой деятельности, свидетельствующие, в том числе, о региональных особенностях волонтерского движения студентов. Особенностью исследования является дифференциация респондентов по году обучения в вузе, чтобы выяснить влияние образовательной среды вузов КБР на потенциал молодежного волонтерского движения.

² В настоящее время опрос закрыт (см. Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии // GoogleForms, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://forms.gle/2уу4tFRUttWfChNU8> (дата обращения 23.06.2021)). В дальнейшем по согласованию с вузами опросная работа продолжится.

Кроме того, методика изучения мотивации к волонтерской деятельности Гаскин – Смита, в которой учитываются внешние (социально-психологические) и внутренние (субъективные) мотивирующие факторы [23], дополнена авторским нововведением: 1) десятибалльное шкалирование ответов каждого из 18 вопросов, критериев оценки мотивации участия/неучастия в волонтерской деятельности; 2) эти критерии разбиты на 9 пар положительных и отрицательных мотиваций: аргументов и контраргументов соответственно, что позволяет оценить эффективность мотиваторов участия/неучастия в деятельности в качестве формирующих волонтерское студенческое движение факторов.

Авторские нововведения были экспериментально апробированы в опросе студенческой молодежи КБР. Собранный эмпирический материал позволяет характеризовать региональный аспект развития студенческого волонтерского движения и образуемого им сегмента молодежной культуры, что также составляет новизну полученных результатов.

Прикладную ценность исследования представляет сформулированное предложение о необходимости на базе усовершенствованной методики оценки приоритетов студента-волонтера создать механизм самодиагностики влияния организационной среды конкретного вуза на становление гражданской позиции молодежи в практике волонтерской деятельности. При поддержке вузами этой идеи раскрываются перспективы постоянного мониторинга развития этого сегмента культуры региона на основе конкретных эмпирических данных.

Результаты

Помимо преамбулы, в которой раскрыты методика, цели и задачи пилотного социологического исследования-эксперимента, анкета опроса студентов КБР состоит из трех опросных листов.

«Опросный лист А: Ознакомление с областями волонтерской деятельности» включает в себя перечень наиболее распространенных [25. С. 83–100, 309–310] направлений волонтерской деятельности. Но поскольку в принципе невозможно составить исчерпывающий список подобных направлений (областей), респонденту в этом листе предложено указать в строке «Прочее» отсутствующее в списке направление. Это делается с целью уточнения списка направлений волонтерской деятельности с учетом региональной специфики. Если респондент не обнаружит в существующем списке интересующее его направление, он может его указать, чем дополнит приведенный перечень и поспособствует совершенствованию методики опроса (см. таблицу 1).

Таблица 1

Опросный лист А: Ознакомление с областями волонтерской деятельности

Приглашаем ответить на вопросы о добровольной (волонтерской) деятельности, под которой понимается выполняемая Вами работа на бесплатной основе: любая помощь людям, не входящим в состав Вашей семьи или не относящимся к числу Ваших друзей. Например, некоторые люди могут работать два часа в неделю в больнице, помогая пациентам справиться с болезнями; другие могут оказывать помощь инвалидам, убирать парки и спортивные площадки или добровольно участвовать в местных пожарных дружинах, поисковых отрядах и пр. Ниже приводится перечень видов деятельности и областей, в которых люди традиционно трудятся на добровольных началах. Пожалуйста, внимательно с ними ознакомьтесь.	
№	Наименование и содержание области волонтерской деятельности
1	КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО И РЕКРЕАЦИЯ: включают театры, музеи, зоопарки, аквариумы, исполнительские виды искусства, исторические и культурные общества, спортивные клубы, военно-патриотические организации, социальные клубы, клубы по оказанию услуг и т.п.
2	ОБРАЗОВАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЯ: включают общи, начальные и средние школы, высшие учебные заведения, профессиональные училища, центры образования для взрослых (непрерывного образования), научно-исследовательские учреждения.
3	ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: включает больницы, реабилитационные центры, дома престарелых и инвалидов, психиатрические учреждения, центры профилактики, службы медицинской скорой помощи, санитаров-добровольцев.

Таблица 1 (продолжение)

4	СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ: включают службы по уходу за детьми, центры дневного ухода за детьми, службы по защите молодежи, службы помощи семьям, услуги инвалидам, услуги престарелым, помощь беженцам и бездомным, приюты, пункты раздачи пищи.
5	ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА: включает охрану и сохранение окружающей среды, уборку и облагораживание территории, защиту животных и дикой природы, ветеринарные услуги.
6	РАЗВИТИЕ И ЖИЛИЩНАЯ СФЕРА: включают деятельность в области экономического и социального развития страны, жилищные ассоциации и помощь в жилищных вопросах.
7	ПРАВООЗАЩИТНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: включают гражданские ассоциации, группы в защиту гражданских свобод, правозащитные организации, оказание юридических услуг, услуг в области предупреждения преступности и реабилитации правонарушителей, защиту прав потребителей.
8	ФИЛАНТРОПИЯ: включают фонды, бюро добровольцев, организации, собирающие средства.
9	РЕЛИГИЯ: включает церкви, синагоги, мечети и другие места отправления религиозных культов.
10	МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: включает программы обменов, дружеских встреч и культурной деятельности, международную чрезвычайную помощь в случае стихийных бедствий, международную деятельность в области защиты прав человека и мира, содействие развитию и оказание помощи.
11	ПРОФСОЮЗЫ И АССОЦИАЦИИ: включают ассоциации предприятий, предпринимателей, специалистов (медиков, деятелей культуры, журналистов и пр.).
12	ПРОЧЕЕ [просьба указать]

Из 87 обработанных анкет 2 не соответствуют требованию полноты информации: нет ответов на большинство вопросов. Большинство респондентов в поле «Прочее» не указали новой области волонтерской деятельности. Это позволяет заключить, что приведенный перечень областей (направлений) для КБР в целом является исчерпывающим. Впрочем, окончательный вывод можно будет сделать после обработки всех анкет.

Есть один ответ «Дом», который заставляет задуматься о специфике домашнего труда в КБР.

Традиционно среди теоретиков домашний труд не считается формой волонтерской деятельности, акцентируется внимание прежде всего на сферах деятельности за пределами семьи в области интересов некоммерческих и благотворительных организаций, в третьем секторе экономики [25. С. 18]. Однако приведенный выше исключительный ответ может быть обусловлен региональной спецификой. Ведь у народов Северного Кавказа традиционно распространена взаимопомощь родственникам, контролируемая неформальными лидерами семьи. Эта помощь чаще всего осуществляется безвозмездно и на добровольных основаниях, но значительно влияет на авторитет «волонтера» или его малой семьи (фамилии) в кругу большой семьи, объединяющей 3–4 поколения и включающей дальние родственные связи нескольких фамилий. Высокая ценность морального кодекса, складывающегося вокруг понятия чести семьи, значительно влияет на матримониальные отношения между семьями, на выбор молодежью профессий, на договорные отношения между деловыми партнерами и т.д. Поэтому этот аспект региональных традиций необходимо учитывать в дальнейшей работе, особенно если он будет значительно влиять на качество ответов респондентов.

«Опросный лист Б: Мотивация волонтерской деятельности» в целом соответствует методике изучения мотивации к волонтерской деятельности Гаскин – Смита, в которой учитываются внешние (социально-психологические) и внутренние (субъективные) мотивирующие факторы [23], которая была усилена авторскими усовершенствованиями (см. таблицу 2).

Таблица 2

Опросный лист Б: Мотивация волонтерской деятельности

№	Я волонтер, потому что:	Оценка 1–10	Я не волонтер, потому что:	Оценка 1–10
1	хочу быть полезным, помочь нуждающимся		никто не обращался ко мне с такими предложениями	
2	получаю удовольствие		не вижу необходимости	
3	хочу бороться с определенной проблемой		никогда не задумывался об этом	
4	достаточно свободного времени		нет свободного времени	
5	хочу платить людям добром за добро		мне безразличны другие люди	
6	сам сталкивался с подобной проблемой		не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы	
7	хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт		волонтерская деятельность мешает учебе	
8	хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками		сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает	
9	это соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям		это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	
10	Укажите год Вашего обучения в вузе			Да (V)
	1 курс (бакалавриат)			
	2 курс (бакалавриат)			
	3 курс (бакалавриат)			
	4 курс (бакалавриат)			
	1 курс (магистратура)			
	2 курс (магистратура)			

Оцениваемые аргументы и контраргументы сформулированы из высказываний, попарно коррелирующих между собой и раскрывающих диспозицию положительных и отрицательных мотиваций. Это позволяет путем сравнения данных реципиентами ответов оценить степень их релевантности (правдивости). Примененное шкалирование позволяет, с одной стороны, реципиенту оценить заданное ценностное высказывание по степени его значимости на принятие им решения об участии/неучастии в волонтерской деятельности. С другой, дифференцировано наблюдать уровень значимости мотиваторов для студентов региона, включая изменение их соотношений в зависимости от года обучения в вузе, что непосредственно характеризует текущую ситуацию в развитии молодежного сегмента региональной культуры.

Дифференциация по году обучения в вузе прежде всего позволяет оценить соотношение групп участвующих в опросе студентов (см. рисунок 1)³, а затем наблюдать, как меняется роль отдельных мотиваторов в зависимости от влияния образовательной среды вуза на студенческую аудиторию, что в перспективе позволяет комплексно оценить направленность социокультурного воздействия высшего образования региона на становление гражданской позиции молодежи КБР.

³ Сгенерировано GoogleForms, 2021

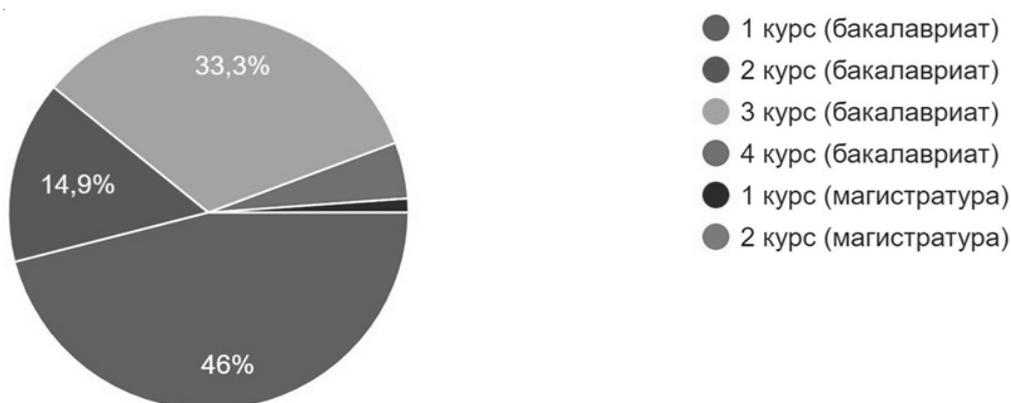

Рисунок 1. Соотношение групп участников опроса студентов КБР по году обучения

На рисунке 2 представлен график динамики ценности времени как объективного (внешнего) мотиватора участия/неучастия в волонтерской деятельности студентов в зависимости от года обучения в вузе. Ось абсцисс образуется согласно дифференциации реципиентов по курсу обучения (1 курс (б) – первый курс бакалавриата и т.д.); а ось ординат составляют средние значения оценок реципиентами (по десятибалльной шкале) роли аргумента/контраргумента в их мотивации участия/неучастия в волонтерской деятельности.

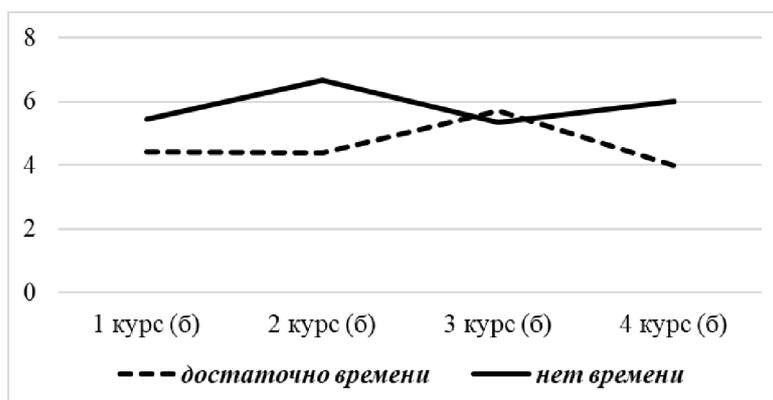

Рисунок 2. Динамика ценности времени для волонтерской деятельности у студентов КБР в зависимости от года обучения

Недооцененный на первом курсе контраргумент отсутствия времени на волонтерскую деятельность (среднее значение 5,45) возрастает на втором курсе (среднее значение 6,67), на третьем курсе его роль заметно падает (5,36), уступая мотивации волонтерской деятельности ввиду наличия на нее времени (5,70), а затем снова возрастает (6).

В целом очевидно, что только на третьем курсе наличие времени мотивирует студентов заниматься волонтерской деятельностью, а на остальных курсах ценность времени является отрицательным мотиватором, ограничивающим желание студентов тратить его на волонтерство: график отсутствия времени расположен выше его наличия.

Для достижения поставленной цели в данной статье нет необходимости анализировать каждую из пар аргументов/контраргументов. Остановимся отдельно на соответствии/несоответствии ценности волонтерства религиозным (или политическим) убеждениям студентов, как одним из значительных субъективных мотивирующих факторов. А затем сравним проанализированные мотивации с объемом затраченного студентами

времени в различных областях волонтерской деятельности (см. «Опросный лист В: Приоритеты волонтерской деятельности»), чтобы раскрыть преимущества синтеза методов социологического исследования мотиваций и затрат времени.

Первое, что бросается в глаза, при наглядном графическом представлении динамики соответствия религиозных и политических убеждений студентов КБР целям волонтерской деятельности в зависимости от года обучения, это разрыв положительной и отрицательной мотиваций при значительном перевесе положительной мотивации. Волонтерская деятельность соответствует религиозным и политическим убеждениям студентов КБР вне зависимости от их года обучения в вузе (см. рисунок 3).

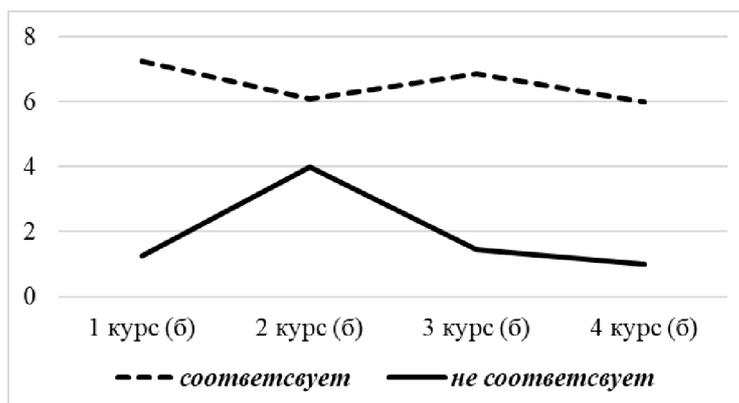

Рисунок 3. Динамика соответствия убеждений студентов КБР целям волонтерской деятельности в зависимости от года обучения

Как и при анализе динамики ценности времени (см. рисунок 2), положительный мотиватор оформлен прерывистой линией. Ось абсцисс на рисунке 4 также образуется согласно дифференциации реципиентов по курсу обучения; а ось ординат составляют средние значения оценок реципиентами по десятибалльной шкале роли аргумента/контраргумента соответствия/несоответствия волонтерской деятельности религиозным или политическим убеждениям.

При сравнении рисунков (2 и 3) отмечаются следующие важные моменты:

– на обоих рисунках наглядно представлена корреляция аргумента и контраргумента мотивации волонтерской деятельности; что подтверждает справедливость парной семантической их диспозиции и релевантность проведенных замеров;

– если ценность времени является спорным мотиватором (отрицательный показатель по большей части превалирует с небольшим отрывом), то положительный мотиватор соответствия волонтерской деятельности религиозным или политическим убеждениям (для 1 курса средний показатель 7,26; для 2 – 6,1; для 3 – 6,87; для 4 – 6) значительно перевешивает отрицательный (соответственно: 1,84; 4; 1,44; 1); что указывает, благодаря шкалированию ответов, на большее значение этого субъективного фактора как положительного мотиватора;

– если построить линейный тренд, линейную проекцию вектора общей динамики от левой крайней точки графиков к правой, в первом и во втором случаях наблюдается снижение ценности отображенных мотиваторов к волонтерской деятельности от первого курса к четвертому; предварительный анализ остальных мотиваторов позволяет говорить о преобладающей тенденции; в нашем случае это тенденция общего снижения мотивированности студентов к волонтерской деятельности от первого курса к четвертому (что это: свидетельство отрицательного мотивирующего воздействия образовательной среды принявших участие в исследовании вузов КБР?); для того чтобы делать выводы о положительной/отрицательной роли образовательной среды вузов в

мотивированности молодых граждан России к волонтерской деятельности, конечно же, необходим постоянный мониторинг и дополнительное исследование возрастных особенностей волонтеров; соответственно же цели данной работы важно указать на саму возможность мониторинга как на преимущество предложенных методических усовершенствований;

– ценность мотивации временем раскрывает важнейший ресурс управления волонтерской деятельностью; ее нестабильность указывает на дефицит свободного времени у студентов, сокращение которого может использоваться в качестве управленческой стратегии молодежного волонтерского движения: если управляющий центр обеспечивает рациональную организацию времени, его управляющее воздействие будет усиливаться и наоборот; в нашем случае важно подчеркнуть, что авторские нововведения позволяют фиксировать степень управляемости волонтерской деятельности в регионе посредством сопоставления аргумента и контраргумента мотивации ценностью времени; на данном этапе исследования вполне очевидно, что студенческое волонтерское движение нуждается в повышении качества управления.

Широко распространенная методика Гаскин – Смита [18; 23] не позволяет сравнивать отдельные критерии оценки мотивации к волонтерской деятельности. Наблюдение же факторного значения одного из них для какой-либо социальной группы основывается на сравнении процентного соотношения респондентов, выбравших один из мотиваторов в качестве основного. Итоговый вывод по этой методике строится на заключении, что некоторое число респондентов (% от общего числа опрошенных) утверждает, что на их решение повлиял такой-то фактор [6; 16]. Однако при таком подходе не учитывается, что на одного и того же реципиента одновременно воздействуют несколько мотивирующих факторов и их ценностные соотношения могут сильно изменяться со временем.

Изменчивость ценностных ориентиров характеризует такую социальную группу, как молодежь. Поэтому исследование ценностных ориентиров студента-волонтера потребовало усовершенствования методики с помощью шкалирования ответов и дифференциации реципиентов по году обучения в вузе. Авторское усовершенствование может быть применено при исследовании и других социальных групп на шкале исторического времени в долгосрочной или краткосрочной перспективе.

«Опросный лист В: Приоритеты волонтерской деятельности» соответствует методике изучения форм и структуры труда в некоммерческом секторе в системе национальных счетов Статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [25. С. 309–310]. Сопоставление исследования мотиваций и затраченного студентами времени в различных областях (направлениях) волонтерской деятельности (см. таблицу 3) также обладает эвристическим потенциалом характеристики культуры региона, обуславливающим релевантность объединения методик их изучения в одном опросе.

Таблица 3

Опросный лист В: Приоритеты волонтерской деятельности

	В какой из перечисленных областей, если таковые имеются, в течение прошлого месяца Вы лично занимались волонтерской деятельностью? Укажите:	
2	1	
3	Укажите, пожалуйста, примерное общее число часов, которое Вы в среднем потратили в месяц на каждую из областей, где Вы трудились на добровольных началах: – во-первых, на работу в прошлом месяце? – во-вторых, сколько часов в месяц Вы тратили в прошлом году? [округляйте, пожалуйста, ответы по каждому виду деятельности до 10 часов]	

Таблица 3 (продолжение)

№	Область	В прошлом месяце		В прошлом году	
		Да/нет	Кол-во часов	Да/нет	Кол-во час/мес.
1	Культура				
2	Образование и наука				
3	Здравоохранение				
4	Социальные услуги				
5	Окружающая среда				
6	Развитие и жил. сфера				
7	Правозащитные орг.				
8	Филантропия				
9	Религия				
10	Междунар. деятельность				
11	Профсоюзы и ассоциации				
12	Прочее				

По популярности у студентов-волонтеров КБР значительно выделяются четыре направления: область культуры (в 2020 г. 72,4 % реципиентов были заняты, в 2021 г. – 68,5 %), охраны окружающей среды (в 2020 г. – 51,7 %, в 2021 г. – 42,5 %), социальных услуг (социальной работы) (в 2020 г. – 41,4 %, в 2021 г. – 30,1 %), образования и науки (в 2020 г. 22,4 % реципиентов были заняты в области, в 2021 г. – 16,4 %) (см. рисунки 4, 5)⁴. Волонтерство в сфере культуры, по мнению Н.И. Горловой, глубоко укорененная традиция в России [4; 5], вероятнее всего это и объясняет устойчивый интерес студентов КБР к этой области.

В данной статье не преследуется цель полного комплексного анализа. Вполне очевидно, что популярность у студентов направлений волонтерской деятельности характеризует эти направления как ценностные ориентиры (приоритеты) большинства, что и характеризует срез культуры региона.

В какой из перечисленных областей, если таковые имеются, в течение прошлого месяца Вы лично занимались волонтерской деятельностью?

73 ответа

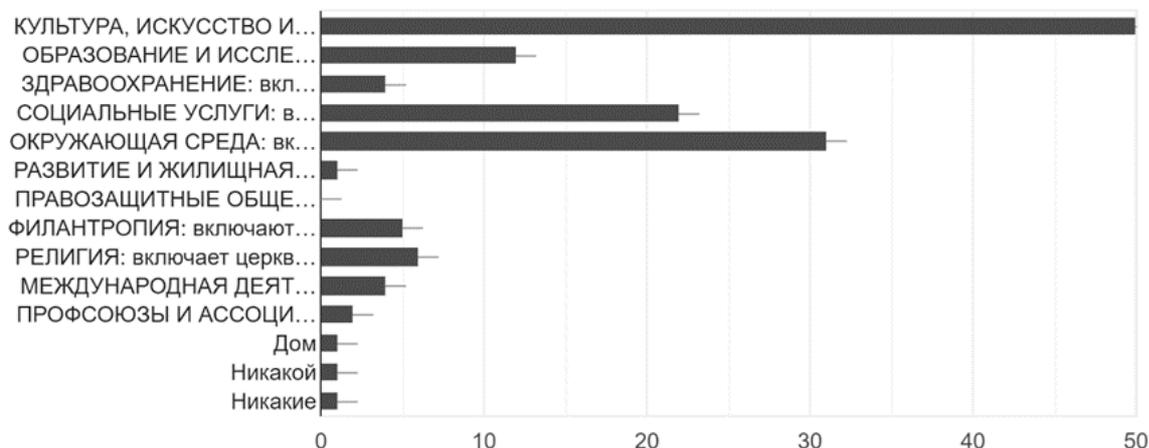

Рисунок 4. Области волонтерской деятельности студентов КБР в 2021 г.

⁴ Сгенерировано GoogleForms, 2021.

Занимались ли Вы волонтерской деятельностью в прошлом году в каких-либо областях?

58 ответов

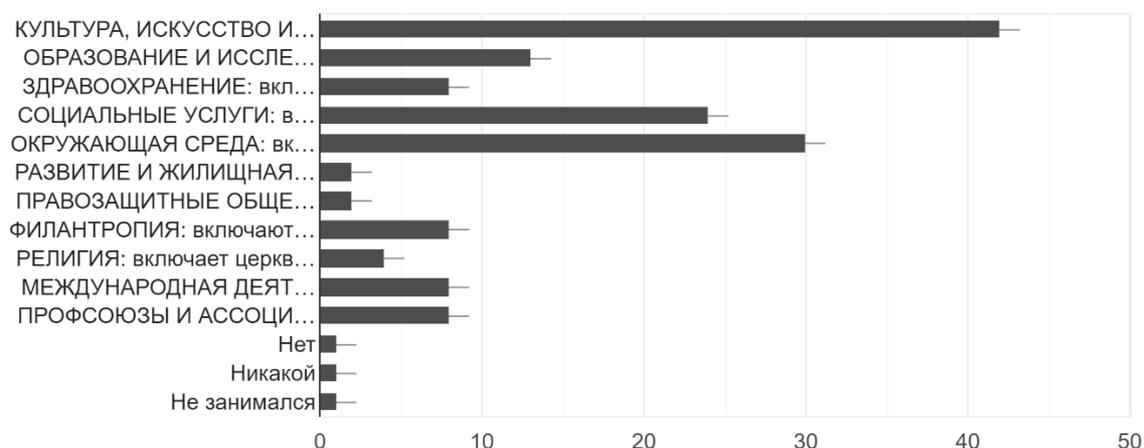

Рисунок 5. Области волонтерской деятельности студентов КБР в 2020 г.

Дифференциация же интереса (количества потраченного времени) студентов к отдельным направлениям волонтерской деятельности по годам обучения в вузе демонстрирует интересную картину. Если к области культуры средний индекс потраченного времени неуклонно растет от первого курса бакалавриата к четвертому (см. в таблице 4 соответственно: 11,31; 14,67; 15,6; 16,67), то в остальных популярных областях (см. таблицы 5, 6, 7) сильно выделяется второй курс.

Таблица 4

Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области культуры

курс	затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на культуру					средний индекс
	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	
1	20,7 %	58,6 %	10,3 %	3,4 %	6,9 %	11,31
2	12,5 %	62,5 %	12,5 %	12,5 %	33,3 %	14,67
3	10,0 %	40,0 %	35,0 %	15,0 %		15,6
4		66,7 %			33,3 %	16,67

Таблица 5

Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области охраны окружающей среды

курс	затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на охрану окр. среды					средний индекс
	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	
1	44,0 % 11	40,0 % 10	12,0 % 3		4,0 % 1	8,08
2		25,0 % 1	25,0 % 1		50,0 % 2	23
3	42,1 % 8	42,1 % 8	15,8 % 3			7,79
4	33,3 % 1	66,7 % 2				7

Таблица 6

Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области социальной работы

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на социальную работу						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	средний индекс
1	33,3 %	61,9 %	4,8 %			7,48
2			50,0 %		50,0 %	25,5
3	31,3 %	62,5 %	6,3 %			7,8
4	33,3 %	33,3 %	33,3 %			10,3

Таблица 7

Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области образования и науки

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на образование и науку						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	средний индекс
1	57,1 %	38,1 %		4,8 %		5,8
2			66 %,7		33,3 %	23,3
3		50,0 %		28,6 %	21,4 %	20
4	21,0 %	26,6 %		52,4 %		17,7

Средний индекс потраченного времени в данном случае – условный показатель. Он рассчитывается арифметически: критерий «менее 1 часа в месяц (менее 1 ч/м) условно принимается за 1 час, «до 10 ч/м» – за 10 часов, «до 20 ч/м» – 20 часов, «до 30 ч/м» – 30 часов, «более 30 ч/м» – 31 час; эти показатели умножаются на число респондентов отдельного года обучения в вузе, указавших данный критерий при оценке своей волонтерской нагрузки; результаты по отдельному курсу обучения суммируются и делятся на число респондентов данного года обучения. Но несмотря на условность, он позволяет сравнивать среднюю нагрузку волонтерской деятельности на студентов отдельных курсов. И возникает вопрос: случайна ли корреляция высокого показателя отрицательной мотивации несоответствия волонтерской деятельности убеждениям студентов второго курса (см. рисунок 3) с их средним индексом потраченного времени (см. таблицы 5, 6, 7)?

Средняя нагрузка студентов второго курса в областях охраны окружающей среды, социальной работы, образования и науки превышает нагрузку первых, третьих и четвертых курсов при высоком уровне несоответствия убеждений части студентов целям волонтерской деятельности – такая обнаруженная корреляция может свидетельствовать о том, что деятельность осуществлялась частью опрошенных студентов второго курса недобровольно, под принуждением, что и вызвало несоответствие с их убеждениями.

Одновременно наблюдается тенденция роста интереса студентов от первого курса к четвертому к волонтерской деятельности в областях культуры (см. таблицу 4), социальной работы (см. таблицу 6), образования и науки (см. таблицу 7). А вот всплеск интереса на втором курсе (23 часа в месяц) к охране окружающей среды после резкого спада ведет к общему снижению интереса: на первом курсе средний индекс потраченного времени 8,08 часов в месяц, на третьем – 7,79, на четвертом – 7 (см. таблицу 5).

Однозначные выводы по анализу предварительных результатов проведенного пилотного исследования делать пока преждевременно. Однако вполне уместно оценить введенные нами усовершенствования методики анализа приоритетов (ценностных ориентиров) студента-волонтера.

Обсуждение

Безусловно, выделение преобладающего фактора мотивации в процентном отношении из общего числа опрошенных, как это заложено в методику Гаскин – Смита [18; 23], как применяется А.В. Ермиловой и И.А. Исаковой [6], В.Н. Стегнием и М.В. Никоновым [16], а также специалистами ВЦИОМ [12. С. 51–52.], позволяет установить иерархию мотиваторов среди опрошенных.

В том числе, как показывает исследование А.В. Ермиловой и И.А. Исаковой, при дифференцированном по регионам подходе обнаруживаются в этой иерархии и региональные особенности [6. С. 51–52]. Ценность исследования А.В. Ермиловой и И.А. Исаковой составляет также анализ распределенности ответов респондентов по возрастным и гендерным признакам. Гендерный аспект следует включить и в наше исследование. Общее же замечание, что с возрастом интерес к социализации посредством волонтерской деятельности (внешний мотиватор) сменяется субъективной заинтересованностью в расширении контактов, представляется интересным. Это подтверждает и наше наблюдение общего снижения значимости совокупности мотиваторов от первого курса к четвертому. Возможно, что не институциональная среда вузов влияет на снижение роли мотивационных факторов, а именно возраст волонтеров: возрастной переход от преобладания внешних (социальных, гетерогенных или гетерономных) факторов к субъективным, что характеризует их большую индивидуальность и распродоточенность по личным интересам волонтеров. В том числе, если наиболее существенную разницу А.В. Ермилова и И.А. Исакова отмечают между возрастными категориями 14–15 лет и 20 лет, то наблюдаемые нами особенности активности студентов второго курса могут быть связаны с кризисом смены мотивационной парадигмы.

Однако, как отмечают вслед за испанским социальным психологом Ф. Фуэнтесом В.Н. Стегний и М.В. Никонов, «не существует волонтера, который в чистом виде был ведомым теми или иными мотивами. Волонтером движет комбинация мотивов, в которой один из мотивов будет доминировать над другими» [16. С. 149]. С первой частью утверждения можно согласиться. А вот однозначность доминирующего мотивационного фактора еще следует проверить. Что, в свою очередь, дополнительно стимулирует продолжить исследование с применением шкалирования ответов респондентов.

Опираясь на собственные исследования мотивации волонтеров Перми, В.Н. Стегний и М.В. Никонов приходят к выводу, «что основными мотивами волонтерской деятельности являются: приобретение нового опыта, знаний и навыков (62,5 %), общение с интересными людьми (59,5 %), личное удовлетворение (58,5 %), возможность увидеть мир и познакомиться (48,5 %), полезные знакомства (46 %). Данные мотивы можно отнести к группе карьерных мотивов и мотивов расширения социальных контактов. Стоит вновь отметить, что альтруистические мотивы не вошли в первую пятерку. Но при ответе на вопрос “Почему Вы стали волонтером?” 59 % респондентов отметили вариант “Улучшить жизнь в обществе (помогать людям)”» [16. С. 148].

Отмеченный парадокс либо свидетельствует о стремлении волонтеров скрыть свои истинные намерения (мотивы), либо о необходимости более точно установить соотношение различных мотивов, что позволяет сделать шкалирование ответов респондентов с диспозицией аргументов и контраргументов, а также возрастную дифференциацию респондентов. Близость по значимости аргументов и контраргументов, а тем более превосходство контраргументов, более точно устанавливает меньшую значимость фактора по сравнению с факторами, где положительная мотивация значительно преобладает. Вероятнее всего, обнаруженный В.Н. Стегнием и М.В. Никоновым парадокс свидетельствует о серьезном возрастном разрыве между началом волонтерской деятельности реципиентов и временем проведения опроса.

Кроме того, на наш взгляд, противопоставление «альтруистических» мотивов «эгоцентрическим», как это делает Л.А. Кудринская [9], к чему склоняются В.Н. Стегний и М.В. Никонов, – спорно. Это при обобщении может исказить реальную ситуацию, когда и «альтруистические», и «эгоцентрические» мотивации одновременно обуславливают занятие добровольной общественно полезной деятельностью. Кроме того, например, трудоустройство или стремление к карьерному росту с помощью волонтерской деятельности однозначно относимое исследователями к эгоцентричным мотивам, является не столь однозначным фактором, ведь обеспечивая себя заработком, человек, а особенно молодой специалист, одновременно самостоятельно решает и важнейшую социальную проблему. Здесь следует сопоставить альтруизм, вытекающий из материальной обеспеченности реципиента (волонтерство исключительно в свободное время и на собственные деньги, которых в избытке), и альтруизм «по нужде», когда волонтерская деятельность оказывается одним из путей повышения материального и социального благополучия реципиента.

При изучении студентов-волонтеров приходится полностью исключить первый тип альтруизма или считать его исключительной ситуацией на фоне господствующей в регионах России нормы – особого социального положения молодежи, характеризующегося низкими доходами в силу вполне очевидных причин. На это обстоятельство, в частности, обращает внимание А.В. Кисиленко, подчеркивая социальную значимость не столько материальных результатов волонтерского труда, сколько формирующего общество потенциала ценностных ориентаций молодежи [8]. Как подчеркивают Н.В. Проказина, Н.Ю. Бобылева и Н.Н. Хатнюк, волонтерство «является одним из важнейших социальных институтов», «обеспечивает социальную интеграцию и устойчивость общественной жизни», «способствует социализации индивидов и их включенности в общественные процессы и интеграции с социально-активными группами» [13], поэтому противопоставление «альтруистических» и «эгоцентрических» мотивов достаточно условно. Для отдельных познавательных целей, возможно, оно и целесообразно, но в целом диалектика общественного и индивидуального не исключает достижения общественного блага посредством ориентации индивида на собственные («эгоцентричные») цели и мотивы.

Помимо прочего, проведенный краткий обзор специальной литературы продемонстрировал, что социокультурный подход, позволяющий фиксировать в качестве ценностных ориентиров волонтеров не только мотивы их деятельности, но и результат этой деятельности в форме конкретных затрат времени, нечасто применяется отечественными учеными. Хотя в перспективе подобного исследования можно установить, существует ли соответствие отдельных мотивов затратам времени в конкретных областях волонтерской деятельности.

Выводы

Обоснование целесообразности авторских нововведений построено на оценке отдельных предварительных результатов проведенного по авторизованной экспериментальной методике пилотного исследования.

Во-первых, это позволило раскрыть и наглядно продемонстрировать новые авторские методические решения, позволяющие охарактеризовать актуальный срез современной культуры региона, а именно – сегмент молодежной культуры, отличающийся наиболее активной гражданской позицией.

Во-вторых, расширение картины научных представлений о динамике ценностных ориентиров (приоритетов) студентов-волонтеров с учетом не только их мотиваций, изменяющихся в зависимости от года обучения, но и результатов в виде израсходованного на волонтерскую деятельность времени обосновывается прежде всего целесообразностью установления влияния образовательной среды вузов на развитие молодежного волонтерства и социокультурное проектирование культуры региона в целом. Это ценно особенно в перспективе развития в России тенденции замещения проектного волонтерства стихийно-событийным, что отмечают отдельные ученые [7]. Способность

вуза стать управляющим центром студенческого волонтерского движения, как показывают предварительные результаты проведенного исследования, не столь очевидна. В этом направлении нужно постоянно работать. Дальнейшие перспективы практического использования полученных с помощью усовершенствованных методик результатов определяются возможностью с их помощью самодиагностики социокультурного влияния вузов на развитие в молодежной среде гражданских качеств активных волонтеров и коррекции управленческо-педагогических стратегий в направлении повышения степени управляемости молодежными движениями в контексте региональной культуры.

На примере анализа предварительных результатов пилотного исследования установлено, что:

- ценностные ориентиры студентов-волонтеров в зависимости от года обучения могут изменяться и необходимы дальнейшие исследования для уточнения факторов этих изменений;

- диспозиция положительных и отрицательных мотиваций, усиленная методикой шкалирования ответов, позволяет наблюдать зависимость снижения роли факторного влияния мотива аргумента от значений контраргумента; эта новизна более точно позволяет оценить роль того или иного мотива в стимулировании волонтерства;

- целесообразно включение в опросную методику дополнительной дифференциации респондентов по гендерным основаниям, что позволит усилить эвристический потенциал разрабатываемой аналитической модели;

- основные области деятельности студентов-волонтеров характеризуют ценностную иерархию приоритетов молодежной культуры Кабардино-Балкарии: на первом месте у молодежи область культуры, затем по популярности идет область охраны окружающей среды и социальных услуг, замыкает четверку явных приоритетов область науки и образования.

Выявленные приоритеты волонтерской деятельности студентов характеризуют актуальный сегмент молодежной культуры. Студенты вузов по отношению к остальной части молодежи региона представляют собой наиболее активную часть, предопределяющую перспективные тенденции культуры региона.

В заключение необходимо отметить, что использованный нами опорный термин «ценностные ориентиры студента-волонтера» (те самые приоритеты) обладает подвижностью содержания, изменения которого постоянно необходимо фиксировать для более точной характеристики текущей и перспективной ситуации в развитии культуры региона. Феноменально это явление социальной жизни всегда остается социокультурным фронтиром, содержание которого формируется по ходу развития социальных практик [24]. Поэтому как бы мы его ноуменально ни определяли, без постоянного совершенствования качественных методик мониторинга текущего состояния культуры научные представления о нем сложно считать исчерпывающими. На наш взгляд, внедрение механизма самодиагностики влияния организационной среды конкретного вуза на становление гражданской позиции молодежи в практике волонтерской деятельности раскрывает перспективы постоянного мониторинга перспективных тенденций развития культуры региона на основе конкретных эмпирических данных.

Литература

1. Гусаков Ю.А. Модель делового совершенства EFQM. URL: <https://mc.misis.ru/seminar/2014/reports/Gusakov-2014-2.pdf> (дата обращения 29.06.2021).
2. Жаркова А.А. Парадигмальный подход как методология педагогического регулирования воспитания личности в условиях российской школы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3. С. 127–130.
3. Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 341–347.

4. Горлова Н.И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). С. 101–108.
5. Горлова Н.И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России: по материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 193–204. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-193-204
6. Ермилова А.В., Исакова И.А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.4.4
7. Зборовский Г.Е., Певная М.В., Ведерников А.А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10–25. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.4.1
8. Кисиленко А.В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. №1. С. 63–71. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-1-63-71
9. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.
10. Кузнецова А.А., Соловьева Н.А. Динамика психологических характеристик личности студента в процессе профессионально-ориентированной волонтерской деятельности // Образование и наука. 2018. №7. С. 128–146. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-128-146
11. Кузьминчук А.А., Певная М.В., Тимиршина Е.Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (53). С. 68–77.
12. Нежина Т.Г., Петухова К.А., Четкина Н.И., Миндарова И.С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71.
13. Певная М.В., Кузьминчук А.А. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 135–148.
14. Проказина Н.В., Бобылева Н.Ю., Хатнюк Н.Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 2. С. 47–56. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5
15. Семенова О.А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 9–2 (87). С. 24–27. DOI: 10.23670/IRJ.2019.87.9.030
16. Стегний В.Н., Никонов М.В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156.
17. Alexander A. A Student Volunteer Program Takes Patient Satisfaction to the Next Level // Oncology Issues. 2017. Vol. 32. Is. 5. P. 14–19, DOI: 10.1080/10463356.2017.11905285.
18. Gaskin K., Smith J. D. A new civic Europe? 3rd Ed. London: The Volunteer Centre, 1997. xi, 128 p.
19. Holmes K. A Continuum of University Student Volunteer Programme Models / K. Holmes, M. Paull, D. Haski-Leventhal [and etc.] // Journal of Higher Education Policy and Management. 2021. Vol. 43. Is. 3. P. 281–297. DOI: 10.1080/1360080X.2020.1804658.
20. Russi A.E. Impact of an Education-Centered Medical Home on Quality at a Student-Volunteer Free Clinic / A. E. Russi, S. Bhaumik, J. J. Herzog [and etc.] // Medical Education Online, 2018. Vol. 23. Is. 1. Article 1505401. DOI: 10.1080/10872981.2018.1505401

21. Salamon, L.M., Anheier, H.K. The Emerging Nonprofit Sector: An Overview (Johns Hopkins Non-Profit Sector Series; 1). Manchester: Manchester University Press, 1996. 168 p.
22. Salamon, L.M., Anheier, H.K., List, R., Toepler, S., Sokolowski, S.W. and Associates Global Civil Society: Dimensions of the Non-profit Sector / L. M. Salamon, H. K. Anheier, R. List [and etc.]; Johns Hopkins University. Baltimore, Maryland: Institute for Policy Studies, 1999. 32 p.
23. Smith, J. D., Volunteering impact assessment toolkit: A practical guide for assessing the difference that volunteering makes / J. D. Smith, A. Ellis, K. Gaskin [and etc.]. 3rd ed. London, United Kingdom: NCVO, 2015. 60 p.
24. Бакуменко Г.В., Устрижицкий О.В., Грицкевич В.П. О практической значимости теоретического конструкта «социокультурный фронт» // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 2 (77). С. 127–131.
25. Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам. Нью-Йорк: ООН, 2006. 376 с.

Priorities of Student Volunteers in the Culture of the Region: On the Example of a Survey of Students of Kabardino-Balkaria

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2021, 2 (81), 125-143. DOI:10.24412/2070-075X-2021-2-125-143

Fatimat V. Tsraeva, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation); North Caucasus State Institute of Arts (Nalchik, Russian Federation). E-mail: fatimatcraeva@gmail.com

Anatoly I. Rakhaev, North Caucasus State Institute of Arts (Nalchik, Russian Federation). E-mail: mail@skgii.ru

Keywords: theory of culture, culture of region, values, youth culture, priorities, students, volunteers, motivation, methodology.

The relevance of the analysis of the experimental method for assessing young people's priorities for characterizing the culture of the region is due to the desire to integrate cultural studies with the latest qualitative methods. The TQM philosophy assumes the interconnection of the management of economic and sociocultural processes. From the standpoint of the theory of culture, the system of higher education is a social institution that designs the paradigm of cultural development. The potential of culture as a system of historically developing supra-biological programs of human life depends on what priorities of personality development are formed in the organizational conditions of the university as a whole. The object of the research is the set of values (priorities) of student volunteers in Kabardino-Balkaria. The aim of the work is to reveal the heuristic potential of the authorial innovations of survey methods for examining students' volunteer activities to characterize the culture of the region. The novelty of the research lies in the fact that the explication of the achievements of social psychology, management theory, sociology and economic theory into the theory of culture in order to solve specific problems of sociocultural design through the development of student volunteer movement is based on the synthesis of interdisciplinary system-activity (M.S. Kagan et al.) and value-normative (V.S. Bibler et al.) culturological approaches. Based on the example of a pilot study of student volunteers in Kabardino-Balkaria, it has been established: (1) the value orientations of student volunteers, depending on the year of study, may change and further research is needed to clarify the factors of these changes; (2) the main areas of student volunteers' activities characterize the value hierarchy of priorities of the youth culture of Kabardino-Balkaria: the area of culture ranks first among young people, followed by the area of environmental protection and social services in popularity, the area of science and education closes the four clear priorities. The identified priorities of students' volunteer

activities characterize the current segment of youth culture. University students, in relation to the rest of the youth, are the most active part predetermining the promising trends in the culture of the region.

References

1. Bakumenko, G.V., Ustrizhitskiy, O.V. & Gritskevich, V.P. (2020) On the Practical Significance of the Theoretical Construct “Sociocultural Frontier”. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South*. 2 (77). pp. 127–131. (In Russian).
2. Gorlova, N.I. (2016) Istoricheskie aspekty razvitiya kul'turnogo volonterstva v Rossii [Historical Aspects of the Development of Cultural Volunteering in Russia]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes: The Online Academic Journal of Kursk State University*. 3 (39). pp. 101–108.
3. Gorlova, N.I. (2021) Volunteering in Preservation of Material Patrimony in Soviet Russia: Pages of History: Materials from the State Archive of the Russian Federation. *Vestnik arkhivista – Herald of an Archivist*. 1. pp. 193–204. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-193-204
4. Gusakov, Yu.A. (2014) *Model' delovogo sovershenstva EFQM* [EFQM Business Excellence Model]. [Online] Available from: <https://mc.misis.ru/seminar/2014/reports/Gusakov-2014-2.pdf> (Accessed: 29.06.2021).
5. Ermilova, A.V. & Isakova, I.A. (2017) Volunteerism Specifics in Modern Russia: Regional Practices. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 4. pp. 48–57. (In Russian). DOI 10.15593/2224-9354/2017.4.4
6. Zharkova, A.A. (2019) Paradigmaly'nyy podkhod kak metodologiya pedagogicheskogo regulirovaniya vospitaniya lichnosti v usloviyakh rossiyskoy shkoly [Paradigmatic Approach as a Methodology of Pedagogical Regulation of Personality Upbringing in the Conditions of a Russian School]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 3. pp. 127–130.
7. Zborovsky, G.E., Pevnaya, M.V. & Vedernikov, A.A. (2018) Volunteering in the Field of Regional Management (The Case of Sverdlovsk Region). *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 4. pp. 10–25. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2018.4.1
8. Kisilenko, A.V. (2018) Volunteering: The Potential of Self-Organization of the Russian Youth. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie – Research Result. Sociology and Management*. 1. pp. 63–71. (In Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-1-63-71
9. Kudrinskaya, L.A. (2006) Dobrovol'cheskiy trud: sushchnost', funktsii, spetsifika [Volunteer Labor: Essence, Functions, Specificity]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia – Sociological Studies*. 5. pp. 15–22.
10. Kuznetsova, A.A. & Solov'eva, N.A. (2018) Dynamics of Psychological Characteristics of a Student-Volunteer in the Process of Professionally-Oriented Volunteering Activity. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*. 20 (7). pp. 128–146. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-128-146
11. Kuz'minchuk, A.A., Pevnaya, M.B. & Timirshina, E.R. (2018) Types of Youth Volunteering: Specificity and Prospects of Development. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2 (53). pp. 68–77. (In Russian).
12. Nezhdina, T.G., Petukhova, K.A., Chechetkina, N.I. & Mindarova, I.S. (2014) Motivation of Youth Participation in the Volunteer Movement. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*. 3. pp. 49–71. (In Russian).

13. Pevnaya, M.V. & Kuzminchuk, A.A. (2016) Students' Volunteerism Dynamics in the Sverdlovsk Region. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 4. pp. 135–148. (In Russian).
14. Prokazina, N.V., Bobyleva, N.Yu. & Khatnyuk, N.N. (2019) Realization of Volunteer Potential in Russia]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie – Research Result. Sociology and Management*. 2. pp. 47–56. (In Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5
15. UN Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. (2006) *Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts*. N.Y.: UN. (In Russian).
16. Semenova, O.A. (2019) Features of Volunteer Activity at Medical University. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*. 9–2 (87). pp. 24–27. (In Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2019.87.9.030
17. Stegnyy, V.N. & Nikonov, M.V. (2018) Motivation of Volunteering. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki – PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 1. pp. 146–156. (In Russian).
18. Styopin, V.S. (ed.) (2010) Kul'tura [Culture]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 tt.* [New Philosophical Encyclopedia: In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 341–347.
19. Alexander, A.A (2017) Student Volunteer Program Takes Patient Satisfaction to the Next Level. *Oncology Issues*. 32 (5). pp. 14–19. DOI: 10.1080/10463356.2017.11905285
20. Gaskin, K. & Smith, J.D. (1997) *A New Civic Europe?* 3rd Ed. London: The Volunteer Centre.
21. Holmes, K. et al. (2021) A Continuum of University Student Volunteer Programme Models. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 43 (3). pp. 281–297. DOI: 10.1080/1360080X.2020.1804658
22. Russi, A.E. et al. (2018) Impact of an Education-Centered Medical Home on Quality at a Student-Volunteer Free Clinic. *Medical Education Online*. 23 (1). DOI: 10.1080/10872981.2018.1505401
23. Salamon, L.M. & Anheier, H.K. (1996) *The Emerging Nonprofit Sector*. Manchester: Manchester University Press.
24. Salamon, L.M. et al. (1999) *Global Civil Society: Dimensions of the Non-Profit Sector*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University, Institute for Policy Studies.
25. Smith, J.D. et al. (2015) *Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes*. 3rd Ed. London: NCVO.

